

Александр Верховлетов. От первого дня войны до победы

(из воспоминаний Александра Павловича ВЕРХОЛЕТОВА, участника советско-финляндской и Великой Отечественной войн, военного журналиста, защищавшего Отечество от начала войны 22 июня 1941 года до Дня Победы).

Первый день войны

После советско-финляндской войны 1939-40 гг., завершившейся недолгим и хрупким миром, я вернулся в редакцию газеты Московского военного округа «Красный воин» и приступил там к привычной корреспондентской работе. В роковую ночь на 22 июня 1941 года я дежурил по выпуску воскресного номера «Красного воина». Газеты тогда, как правило, печатались под утро, когда ТАСС давал на «добро» на тираж.

Ночью редактора «Красного воина» Михаила Владимировича Погарского вызвали в Наркомат обороны. Вскоре он позвонил оттуда, подчеркнуто сухо и официально приказал, не дожидаясь его, подписать номер газеты и печатать. М.В. Погарский распорядился никого из ночной смены не отпускать, иметь при себе список личного состава, адреса и телефоны сотрудников. Вернувшись из Наркомата, Михаил Владимирович с грустью сказал:

– И тебе пришла пора собираться в путь-дорогу. Нас опять труба зовет!

– Стало быть, война? – догадался я. Редактор подтвердил, что это так.

Я подошел к раскрытому окну. Видны были кварталы Москвы, объятые тишиной. Медленно таяла дымка, занимался рассвет. Из близлежащей школы выпорхнула беззаботная стайка выпускников, еще не ведающих о трагических событиях. После школьного бала они, наверное, направлялись на Ленинские горы встречать восход солнца. Зазвенела популярная тогда песня «Если завтра война».

Хотелось крикнуть:

– Не завтра, родные, а уже сегодня, с часу на час, с минуты на минуту. И Вашей беспечной юности настанет конец!...

А время не ждало, надвигался зловещий «Час «Ч». Уже было определено, что газетой Южного фронта станет «Во славу Родины», а Михаил Владимирович Погарский ее редактором. Он спросил меня готов ли я идти на фронт, войти в состав редакции «Во славу Родины». И я твердо и убежденно ответил ДА. По заданию М.В. Погарского я приступил к мобилизационным мероприятиям по формированию состава редакции – поднимал по тревоге наших соратников по Карельскому перешейку писателя Бориса Горбатова, поэта Илью Френкеля, создавшего фронтовую песню «Давай, закурим», сатирика Владимира Полякова, автора сценария фильма «Карнавальная ночь». Вызвал на рассвете по телефону «короля информации» Сергея Турушина, редакционного «стратега» Владимира Тихомирова, пробивного репортера Виктора Минаева.

Командующий войсками фронта генерал Тюленев приказал сформировать специальный поезд для оперативной группы штаба Южного фронта, который формировался на базе Штаба Московского Военного Округа. К этому поезду был специально прицеплен вагон для оперативной группы редакции и типографии изданий – в нем мы ехали на войну...

Так для Верховлетова Александра Павловича начался первый день войны. До Дня Победы было еще пять долгих лет...

Потом были самые горячие точки великих сражений Великой Отечественной, был Сталинград – перелом в войне...

В пекле Сталинграда

«Я был дежурным по выпуску газеты в ночь на 4 октября 1942 года. Там была статья Александрова, который ведал тогда пропагандой и очень хорошо описывал наше положение. Прибыл из госпиталя комиссар и просил газету. «Не вышла еще газета, не могу я Вам дать, не подписана». Не дал я ему газету, говорю: «Приезжайте под утро».

Он разозлился и уехал. А потом утром, когда уже все было подписано, начали печатать, загудели самолеты – уже рассвело. Шанс, что будут стрелять в здание, где мы находились, был большой – это был райком партии – и здание такое, что нужно по нему ударить. Я своим соратникам сказал: «Тревога, всем в щели». А сам, как капитан, остался на корабле. Начали пантежники Ю-87 палить. И так получилось, что мне от двух мест попало: одна из бомб попала прямым попаданием в наш дом, почти донизу пробило. Там на втором этаже редакционная газета была, редактора убило, всех убило. Может быть и меня бы настигло, но я высунулся в окно и все наблюдал куда наши... И тут осыпало

меня оттуда на излете маленькими осколочками. Один мелкий осколочек повредил хрусталик, да еще и по голове меня ударило сверху – это уже от второй бомбы отвалился потолок. Когда меня привезли в госпиталь, слышу голос того капитана, кому рано утром газету не дал: «Эх, а вот Вы мне газету пожалели ! Не плюй в колодец». Вот так он меня встретил, а потом к лучшему врачу направил. И еще, когда меня окровавленного и ослепленного доставили в госпиталь 62-й армии и санитары с носилками, на которых я лежал, остановились возле операционной, один полковник-танкист из палаты выздоравливающих спросил: – Кто такой?

Я нашел в себе силы ответить:

– Моя фамилия вам ничего не скажет.

– Это политрук Верховлетов, – сказал мой сослуживец майор Князев, доставивший меня в госпиталь.

Полковник-танкист оживился: – Вы тот самый корреспондент, что прошагал от волжской переправы и до переднего края? Да еще и побывал в схватке? Читал, читал ваши письма «Рота идет на фронт». Читал и вашу статью о месте командира в бою. Дорогой доктор, – обратился полковник к вышедшему из операционной хирургу, – лечите этого парня как следует: очень нужный для армии человек.

Лечила меня очень опытный врач Петросян – у Филатова она была помощницей в Одессе. Сказала: «Глаз видеть не будет, но мы попробуем сохранить форму глаза – Вы человек молодой».

Я незрячим около четырех месяцев пролежал в госпиталях, пока не вернулось зрение: врачи, делавшие чудеса в годы Отечественной войны, поставили на ноги и меня. Частично зрение вернулось, хотя правый глаз спасти не удалось. В феврале 1943 года, когда победно завершилась Сталинградская битва, закончились и мои госпитальные мытарства. А дальше после небольшой передышки снова в ратный путь.»От Волги до Шпрее – дистанция гигантского размера. Так вот: весь этот путь

Верхолетов проделал после того, как тяжелое ранение навсегда погасило его правый глаз.» (из воспоминаний фронтовых соратников)

Последний день войны (из интервью для телевидения к 60-й годовщине Победы)

В этот день я был в Праге, уже собрал материал об освобождении Праги и завершении войны и должен был ехать в сторону Дрездена. Основная магистраль, которая вела в Прагу, сплошь была забита нашими танками – все шли сюда, в Прагу. Уже была объявлена капитуляция, и на всех фронтах немцы подчинились капитуляции. На всех, кроме I Украинского фронта, где я воевал, здесь генерал-фельдмаршал Шернер не подчинился капитуляции и сказал, что будет сражаться до последнего, будет пробиваться к американцам.

На редакционной машине вместе со всеми собранными материалами мы мчались по небольшой лесной дороге, чтобы их срочно публиковать. Вдруг я увидел, что навстречу едет велосипедист. И мимо – чуть самих не сшибли – мчится автомашина, что-то вроде броневишка. Она, на полном ходу, свалила этого солдата (сержанта, как потом оказалось) в кювет.

– Ну что? – говорит мой шофер.

– Как что, давай подберем. День Победы, последний день войны, а человек по-дурацки погиб.

Вышел я из машины, а он глубоко в кювете. Тут кто-то похлопал меня по плечу. Я отмахнулся и вдруг услышал: «Hande hoch, майор». Оглянулся – стоит рослый породистый немец с рыцарским орденом, во всем своем блеске. А из кустов высыпала еще куча немцев со всех сторон, а дальше – с обеих сторон торчат пушки.

Понял, что они из шернеровских группировок. Ну что ж, знаю, что они не подчинятся, знаю, что для всех война закончилась, а для них – нет. Знаю, что уже все, осталось только выступление Сталина. А тут так по-глупому погибать.

Я спросил его: «Warum (почему), hande hoch, warum ?» Больше у меня знаний не было. Но он мне не ответил «почему». А я тут как-то автоматически на этого лежащего солдата показал: «Bitter (прошу), her Ober» Он на меня иронически поглядел, а потом вынул из кармана свисток, свистнул. Бежит такой низенький, пузатенький, наверное, фельдшер, а на животе у него висит такая здоровенная сумка с красным крестом. Прибежал он, начал разговаривать, что-то спрашивать.

Тут, Слава Богу, к офицеру подбежал кто-то, и что-то говорит, после чего этот самый оберст ушел, остался переводчик. А тут вдруг я узнаю, что переводчик, который великолепно говорит по-русски, чуть ли не мой земляк. Он из репрессированных немцев Поволжья, а я родился и жил в городе Вольске. Смекнул я быстро, что делать надо: изложил ему про Вольск, про Поволжье. Он в ответ: «Вольск, а-а». Вспомнил он, что родители ездили на базар к нам, какие-то еще знакомые места вспомнил. Я его, как говорится, немножко подготовил. А потом сказал ему: «Если уж переводить, то переводи точно – все, что я говорю, и поумнее. Все. Пойми – война-то ведь кончилась – что же мне погибать? А этот-то, раненый, за что страдать будет? Я ведь хотел его в госпиталь доставить»

Тут возвращается оберст: «Ну-с, что с тобой делать будем, как с тобой поступать, майор?» А я говорю: «По-рыцарски, Герр обер, по-рыцарски» И видимо это отчасти на него подействовало. Я его похвалил, сказал: «Спасибо, что помощь оказали – это благородно. По-рыцарски...» И на этом частично сыграл. Он сначала было начал: «И вообще, ты – непонятный русский, хитрый. Но меня не проведешь» Потом его опять отзывают, и я ему продолжаю говорить: «У Вас нет врачей, а раненому опытный хирург нужен, его нужно в Дрезден доставить. И раз уж проявили благородство – благородство нужно проявлять до конца».

После слов переводчика оберст молча сидел, размышляя, видимо, о нашей и своей судьбе, которая уже была предначертана. Потом быстро встал и потряс рукой, привлекая наше внимание, а затем, не сказав ни единого слова, сделал энергичный жест, дав

понять, что мы можем катиться куда угодно...

Симпатизировавший нам переводчик объявил, это господин полковник освобождает русских, дав им возможность доставить тяжело раненого в стационарный госпиталь. Господин полковник уверен, что русские по достоинству воспримут его решение и всегда будут честно и уважительно относиться к Германии и всем немцам.

И хотя оберст, следуя приказам генерал-фельдмаршала Шёрнера, не признавал факта безоговорочной капитуляции и с танковым полком пробивался на Запад, его решение было продиктовано объективной непреложностью нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Когда мы попали в эту засаду, нас не разоружили, не обыскивали, не допрашивали и, к счастью, не узнали, что мы военные журналисты. Мы потом благодарили судьбу, что расстались в Дрездене с трофейной автомашиной. Если бы пожаловали к оберсту на великолепном «Опель-адмирале», решение немецкого полковника наверняка было бы иным. Наша судьба была бы охарактеризована традиционной фразой: «Пропали без вести».

Получив желанную свободу, мои спутники без промедления перенесли раненого в «Виллис». Капитан Н.Наумов шепнул шоферу:

– Мчи, Петро, во весь опор, пока оберст не передумал. А то и вслед пальнут...

– Подражать перепуганным зайцам, не будем, – поправил я Наумова. – Отъезжай, Ковтун, спокойно, нормально, с достоинством.

Покидая места краткого и странного заточения, я крикнул с машин!

– Ауфвидерзеен, герр оберст!

Немецкий полковник хмуро глянул на нас и мрачно ответил: – Прощайте!...

Мы хорошо понимали, что положение оберста и его полка безнадежное. Штаб группы немецких армий «Центр» был уже разгромлен, а сам генерал-фельдмаршал Шернер, отдавший приказ не выполнять требований капитуляции и сражаться до последнего, утратил возможность управлять своими войсками. Переодевшись в гражданскую одежду, он бежал в горы.

Пережив основательную встряску, мы с запозданием добрались до Дрездена и с немалым огорчением узнали, что наш фронтовой госпиталь еще не развернулся. Но помещение будущего госпиталя при нас осматривал главный хирург фронта генерал-лейтенант медицинской службы М. Н. Ахутин. Выслушав наш торопливый рассказ о пережитых злоключениях и попавшем в День Победы под колеса грузовика сержанте. Михаил Никифорович сочувственно отнесся к нашей просьбе и сказал, что распорядится сделать такую операцию немецкому хирургу из Дрездена, но под наблюдением нашего врача.

К медикам пришлось приставить капитана Н. Наумова, способного растормошить кого угодно и добиться желаемого результата. Сам же я поехал в пригородный Радебейль, куда должна была передислоцироваться редакция фронтовой газеты «За честь Родины». Там я нашел заместителя начальника издательства С. Шварцера и начальника отдела боевой подготовки Ф. Орешкина. Не пожелав даже глянуть на выделенное квартирмейстером каше временное жилье, я сел за стол и в невероятной спешке начал писать строки о завершающем событии Отечественной войны – освобождении Праги

События мелькали с нарастающей силой. В те минуты, пока я сдавал в печать материал о Праге, Ю. Левитан вдохновенно читал Приказ Верховного Главнокомандующего о том, что Великая Отечественная война победоносно завершена и Германия полностью разгромлена.

А затем радиоволны донесли до нас, находившихся на древней саксонской земле, могучий грохот тысячи орудий, салютовавших победителям. Столичные залпы слились с неистовой пальбой

героев-фронтовиков из всех видов отечественного и трофейного оружия. Радостное ликование долго не утихало. На рассвете вернулся из госпиталя капитан Н. Наумов и кратко сказал нам:

– Сержант будет жить!...

На Руси про воинов говорили: «И пуля его не берет, и в огне не горит, и в воде не тонет». Защита Родины, правое дело дают силы, силы богатырские, которые помогли победить нашему Великому народу в этой тяжелой и трудной войне – войне за защиту Отечества.

Материал и фото предоставлены Анисимовой Ириной Александровной – дочерью Верховлетова Александра Павловича.